Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 51–62.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503):51-62.

Научная статья

УДК 81’373.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-51-62

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ДРЕВНИХ ЛЕКСЕМ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Елена Владимировна Шелестюк[1], **Злата Андреевна Харитонова**[2]

[1]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

[2]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zlata.kharitonova40@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются когнитивные механизмы, лежащие в основе семантических изменений пяти ключевых лексем повседневной лексики русских и английских языков: «год», «человек», «новый», «быть», «говорить» (year, man, new, be, tell/talk). Показаны различия в методах семантической эволюции, характерные для славянской и германской традиций. Рассмотрены этапы развития значений указанных слов, выявлены используемые когнитивные механизмы переноса, такие как метонимия, метафора (включая функциональный перенос), абстрагирование и символизация. Сделан вывод о преобладании метонимии и антропоморфизма в славянской группе, тогда как в германской традиции отмечается большая активность символико-метафорических механизмов. Нельзя исключать, что данные различия обусловлены особенностями когнитивных стратегий, задействованных в процессах семантического развития лексики славянских и германских языков. Славянская этимология преимущественно опирается на метонимию и антропологические концептуальные метафоры, укоренённые в социальной, хозяйственной и ритуальной практике, что отражает прагматичный и ситуативно-ориентированный способ концептуализации. Германская этимология чаще допускает символико-метафорические переносы, восходящие к мифопоэтическому мышлению, и проявляет большую открытость к образно-ассоциативным связям. Однако подобные расхождения могут быть связаны не столько с различиями в когнитивных моделях носителей древних языков, сколько с национальными традициями лексикографии и научной интерпретации. Это различие проявляется в лексикографии: славянские источники (в частности, «Этимологический словарь славянских языков» под ред. О. Н. Трубачёва) стремятся к рациональной реконструкции и избегают спекулятивных символических интерпретаций, тогда как германские (например, Etymonline или работы М. М. Маковского) охотнее включают мифологические и поэтические гипотезы. Подчёркивается, что наблюдаемые тенденции могут отражать как особенности интерпретационных установок лексикографов, так и объективные различия в древних когнитивных моделях. Для решения этого вопроса требуется анализ на большей выборке примеров и из большего числа источников.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, семантические изменения, концептуальный перенос, метонимия, метафора, символизация, абстрагирование

Для цитирования: Шелестюк Е. В., Харитонова З. А. Когнитивные механизмы, лежащие в основе семантических изменений древних лексем (на примере русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 51–62. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-51-62.

Original article

COGNITIVE MECHANISMS UNDERLYING SEMANTIC CHANGES IN ANCIENT LEXEMES (USING RUSSIAN AND ENGLISH EXAMPLES)

Elena V. Shelestyuk[1], **Zlata A. Kharitonova**[2]

[1]Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

[2]Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zlata.kharitonova40@yandex.ru

Abstract. This paper investigates cognitive mechanisms underlying ancient semantic changes in five key lexemes of everyday vocabulary in Russian and English languages: _god_ (“year”), _chelovek_ (“man”), _novyj_ (“new”),

© Шелестюк Е. В., Харитонова З. А., 2025

byt' ("to be"), and _govorit'_ ("to speak"). It highlights differences in methods of semantic evolution characteristic of Slavic and Germanic traditions. The stages of development of meanings are examined, revealing the employed cognitive transfer mechanisms such as metonymy, metaphor (including functional transfer), abstraction, symbolization and some others. Additionally, a comparative analysis of cognitive mechanisms of semantic change has been conducted, demonstrating possible distinctions in epistemological approaches among researchers studying Slavic and Germanic language groups. The study concludes that there is a predominance of metonymy and anthropomorphism in Slavic languages, while symbolic-metaphorical mechanisms are more active in Germanic ones. It cannot be ruled out that these differences stem from distinct cognitive strategies involved in the semantic development of Slavic and Germanic lexical items. Slavic etymology predominantly relies on metonymy and anthropological conceptual metaphors rooted in social, economic, and ritual practices, reflecting a pragmatic, context-oriented mode of conceptualization. In contrast, Germanic etymology more readily admits symbolically charged metaphorical transfers derived from mythopoetic thought and demonstrates greater openness to imagistic and associative linkages. However, such discrepancies may be attributable less to actual differences in the cognitive models of ancient language speakers than to national traditions in lexicography and scholarly interpretation. This divergence is evident in lexicographic practice: Slavic sources—particularly the Etymological Dictionary of Slavic Languages edited by O. N. Trubachyov — favor rational reconstruction and avoid symbolic or mythopoetic interpretations, whereas Germanic sources (e.g., Etymonline or the works of M. M. Makovsky) more readily incorporate mythological and poetic hypotheses. It is emphasized that the observed tendencies may reflect either the interpretive biases of lexicographers or genuine differences in ancient cognitive frameworks. Resolving this issue requires analysis of a broader dataset drawn from a wider range of sources.

Keywords: cognitive mechanisms, semantic change, conceptual transfer, metonymy, metaphor, symbolization, abstraction

For citation: Shelestyuk EV, Kharitonova ZA. Cognitive Mechanisms Underlying Semantic Changes in Ancient Lexemes (using Russian and English Examples). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2025;(9(503):51-62. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-51-62.

Когнитивные механизмы семантических изменений в древних славянских и германских языках

Введение

Когнитивная лингвистика формировалась поэтапно, начиная с XIX в., когда традиционные взгляды на язык стали подвергаться пересмотру. Типологические исследования, включая теорию «семантической общности» Луи Ельмслева, подчеркнули роль культурного наследия в формировании языковых структур и смысла. Параллельно когнитивная психология, опираясь на экспериментальные методы, показала, что язык не только средство коммуникации, но и инструмент познания. Ключевым этапом стало учреждение дисциплины на Первой международной конференции по когнитивной лингвистике (1989, Дуйсбург), где Дирк Герартс обозначил её цели: изучение языка как механизма организации знания, взаимосвязи языка и мышления, а также моделирование понимания речи в ИИ. Легитимацию укрепили журнал *Cognitive Linguistics* и «Краткий словарь когнитивных терминов», определившей когнитивную лингвистику как науку о языке как универсальном когнитивном аппарате хранения, обработки и применения знаний [4].

Сегодня когнитивная лингвистика интегрирует эмпирический (анализ словарей и корпусов), поведенческий (наблюдение за речью) и теоретический уровни, раскрывая связи между языком, сознанием и культурой. Это открывает новые возможности для компаративистики и сравнительной типологии: через изучение образов-схем, концептуальных метафор и проч. выявляются универсальные принципы мышления, лежащие в основе языков. В диахронии когнитивный подход позволяет реконструировать динамику развития понятий и значений слов-номинатов, связывая семантические сдвиги с глубинными познавательными процессами.

Предметом настоящей статьи выступают когнитивные механизмы, лежащие в основе семантической эволюции ключевых лексем — «год», «человек», «новый», «быть», «говорить» — в древних славянских и германских языках. Цель работы — реконструировать данные механизмы и провести их сопоставительный анализ с целью выявления как универсальных, так и языково-специфических закономерностей концептуальной трансформации. Теоретическую базу составляют труды, репрезентирующие две взаимодополняющие парадигмы: в рамках этимологической и диахронической традиции — В. В. Виноградова, Б. А. Серебренникова, О. Н. Трубачёва, М. М. Маковского, А. А. Потебни, Дж. Мэллори и Д. Адамса и др.; в рамках когнитивно-лингвистического направления — Н. Н. Болдырева, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Д. Гераертса и др. Эмпирическую

основу исследования образуют конкретные лексемы славянских и германских языков, подвергнутые когнитивному анализу на основе данных этимологических, мифологических, культурологических и лексикографо-экзегетических словарей. В ходе анализа применяются диахронический, когнитивно-семантический и сравнительно-типологический методы, охватывающие изучение исторического развития значений, изучение когнитивных механизмов, стоящих за их трансформацией, и сопоставление концептуализации и номинации/трансноминации концептов в двух языках.

Картина мира

Термин «картина мира» возник в физике благодаря Генриху Герцу (1857–1894), определившему её как совокупность ментальных образов объективной реальности, позволяющих посредством логико-дедуктивного процесса предсказывать поведение объектов внешнего мира [9. С. 12]. Позже его использовали Макс Планк и Альберт Эйнштейн, последний подчеркивал, что «картина мира» ядро духовного бытия человека, обеспечивающее эмоциональную стабильность и гармонию в хаосе повседневности [Там же. С. 13]. В 1940-е гг. понятие проникло в гуманитарные науки. Б. А. Серебренников и соавторы (1988) выделяют две причины его актуальности: поливариантность позиций и смена парадигм, каждая из которых по-новому интерпретирует феномены [Там же]. Обобщённо, картина мира — когнитивный конструкт, замещающий в сознании ту часть реальности, с которой взаимодействует человек.

Её устойчивая форма — «модель мира» — складывается в мифопоэтическом («космологическом») мировоззрении и выражает целостное, системное представление о действительности, реализуемое в семиотических процессах: «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции... в их системном и операционном аспектах»[1]. Эта модель тесно связана с природой и проявляется в культах огня, предков, анимизме, тотемизме, шаманизме, аграрных и астральных ритуалах. Её изучали М. Мюллер, Л. Леви-Брюль, Дж. Фрэзер, К. Юнг, Ф. Боас, К. Леви-Стросс, Н. Фрай, М. Элиаде, К. Хюбнер, А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Котляревский, А. Ф. Лосев, С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский, О. М. Фрейденберг; в лингвистике и лингвокультурологии — В. Н. Топоров, В. В. Иванов, О. Н. Трубачёв, М. М. Маковский, Н. И. и С. М. Толстые, Т. В. Цивьян, Е. В. Рахилина, А. В. Кравченко и др. Если модель мира — это динамический ментальный конструкт, служащий познавательным целям и выполняющий объяснительную функцию, то картина мира представляет собой более статичную и целостную систему представлений или социальной группы, выполняющую констатирующую функцию и определяющую восприятие, ценности и поведение. Эти понятия различаются по функции, генезису и дисциплинарной принадлежности: модель мира — инструмент объяснения (психология, НЛП, мифология), картина мира — готовый мировоззренческий конструкт (лингвистика, культурология, философия).

Базовыми категориями архаичной картины мира являются пространство и время.

Пространство характеризуется:

1) проксимальной ориентацией (вверх/вниз, лево/право, перед/зад относительно человека);

2) дистальной, через оппозицию «свой/чужой», где выделяется:

а) личное (безопасное) пространство, ср. др.-герм. Miðgarðr (Мидгард);

б) общественное — полис, община;

в) чужое хаотическое, населенное врагами или мифическими существами, ср. др.-сканд. Útgarðar (Утгард) [6].

Время в архаике обладает:

1) вневременностью — настоящее объединяет прошлое и будущее;

2) качественностью — временные отрезки наделены смыслами, а не длительностью;

3) пространственной привязанностью — течение времени моделируется как движение в пространстве [Там же];

4) ритмической упорядоченностью — время воспринимается как линейно-циклическая последовательность. Это связано с работой гипоталамуса, регулирующего внутренние часы, прогнозирование и адаптацию к среде, что повышает выживаемость[2].

В древних языках доминировали метафорический и метонимический хронотопические переносы. Метафора и метонимия долгое время были не художественными приёмами, а синкретическими мифологическими или пралогическими способами познания. Как отмечает О. М. Фрейденберг,

[1] Токарев С. А. Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1980. С. 677.

[2] Семашко Н. А. Большая медицинская энциклопедия : в 35 т. Т. 7. Гимнастика-Готштейн / Н. А. Семашко. Москва : АО «Советская энциклопедия», 1929. С. 177.

переход от мифа к литературе связан с тем, что «в самом образе... раздвинулись границы между тем, что образ хотел передать, и способами его передачи» [12. С. 232–233].

Яркий пример хронотопического переноса представляет герм. tīd («время»), также означавшее «прилив/отлив». В современном англ. tide значение «время» утрачено, сохранилось лишь «поток, прилив»[3]. Вообще в большинстве языков этимология слова «время» пространственна (визуальна, конкретно-понятийна) или антропологична: ср. рус. время ← ст.-сл. вертѣти («вращать») → цикличность; англ. time, нем. Zeit, шв. tid ← герм. tidi(z) («делить») → cf. tide; лат. tempus («тянуть», «быть тяжёлым») → итал. tempo, исп. tiempo, фр. temps; гэльск. ùine ← «возраст, опыт»; перс./араб./тюрк. zamān/zaman ← «поколение, век»; кит. 時間 (shíjiān) 時 (shí, «время» как солнце над горизонтом) + 間 (jiān, «промежуток» как дверь с щелью); банту muda ← «молодой, светлый (о фрукте)»[4].

Когнитивные механизмы семантических изменений

Открытие Поля Брока в 1861 г. локализации зоны мозга, ответственной за моторную организацию речи, продемонстрировло, что речевая функция имеет нейроанатомическую основу. Однако между признанием речи как физиологического феномена и осмыслением языка как когнитивного инструмента концептуализации и вербализации ментальных структур пролегает путь, измеряемый сменой научных парадигм. Лишь в рамках когнитивной лингвистики язык обретает статус важнейшего инструмента мышления, концептуализации и восприятия мира. Ещё предстоит выяснить, насколько он является интерфейсом для выражения мышления, а насколько активно участвует в его конституировании, однако ясно, что язык служит средством воплощения и коммуникации ментальных структур, формируемых на основе сенсорного опыта. Только через язык и символические системы внутренняя «карта мира» передаётся другим.

Центральную роль в ментальных репрезентациях сенсорных ощущений играют образы-схемы как универсальные когнитивные структуры, своеобразный мост между восприятием и концептуализацией. К ним относятся: пространственные схемы (вверх/вниз, рядом/далеко); контейнер (внутри/снаружи); движение («источник — путь — цель»); баланс, сила, единство/множественность, идентичность, существование [15; 13. P. 190]. Эти схемы формируются когнитивными механизмами: сенсорные данные трансформируются ЦНС в ментальные репрезентации (фреймы, скрипты и др.), сохраняются в памяти и чаще всего функционируют неосознанно[5]. Оформляясь языком, они обретают точность и становятся основой передачи знаний. В речепроизводстве и речевосприятии образы-схемы и ментальные репрезентации переплетаются с внутренней речью, создавая универсальный предметный код (по Н. И. Жинкину), посредничающий между речью и сознанием. В языке согласно теориям концептуальной интеграции языковые структуры кодифицируют значения как паттерны опыта, встраивая их в грамматическую и лексическую архитектуру языка. Таким образом, язык является и средством коммуникации, и когнитивной онтологией — системно организованной репрезентацией мира, стабилизированной культурно-историческим развитием и индивидуальным когнитивным усвоением.

Наложения образов-схем («бленды» Фоконье–Тернера) являются основополагающими механизмами переноса лексических значений. Для реконструкции древней семантики (семантических переносов и изменений) они имеют особую важность. Синтез подходов традиционалистов в области лексической семантики и современных лингвистов-когнитологов [2] позволяет выделить следующие когнитивные типы переноса значений.

1. Концептуальная метафора — перенос по сходству между разными концептуальными областями. Классический пример — метафора «любовь — путешествие», воплощённая во множестве идиом, например, *we have gone through many twists and turns together, our relationship is heading downhill, this is where our paths diverge, we've hit a dead-end street (мы пережили много поворотов судьбы, наши отношения стремительно катятся под откос, наши пути расходятся, наши отношения в тупике)* и т. д. [Geeraerts D. Cognitive Linguistics: Basic Readings. Berlin, 2006. P. 185–186].

2. Концептуальная метонимия — перенос по смежности (часть — целое, причина — следствие, материал — изделие, соположенность в пространстве, следование во времени и др.) [7].

[3] Etymology of "tide" // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/tide (дата обращения: 22.07.2025).

4 https://gufo.me/dict/vasmer/; https://en.wiktionary.org/wiki/muda; https://www.etymonline.com/word/tide (дата обращения: 22.07.2025).

[5] Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. С. 81–82.

Например, «есть — достигать цели (богатства, успеха и т. п.)», «весна — пробуждение», «сельская местность – здоровье», «книги – знание и интеллект», «жизнь — движение», «восход, заря — начало дня, надежда, бодрость».

3. Ассоциация — перенос парадигматического либо синтагматического типа на основе прошлого опыта, воспоминаний чувств (зрительных, слуховых, тактильных, двигательных) и воображения [8]. Отбрасывая концептуальные метафору и метонимию, в этот тип переноса можно включить перенос внутри семантического / тематического поля; перенос по синонимическим и антонимическим отношениям[6]; перенос по экспрессивности; перенос по сходству формы (паронимия); перенос по сходству ощущений (синестезия)[7].

4. Абстрагирование (генерализация, гипо-гиперонимический перенос) — обобщение конкретного до общего или абстрактного. Примеры: др.-рус. товаръ «домашний скот» → «скот как меновое имущество» → «любой меновой продукт»; др.-англ. bridd «молодые птицы, птенцы» → bird «птица»[8].

5. Конкретизация — сужение значения, гипер-гипонимический перенос. Примеры: др.-рус. руба «грубая одежда, рубище, роба» (< руб, рубить) → рубаха «вид одежды, относящийся к верхнему нательному белью»; др.-англ. deor «зверь» (< прагерм. deuzam < праиндоевр. dheusom «создание, способное дышать») → deer «олень». Deer стал применяться к отдельному животному, вероятно, через охоту, так как олень считался любимым объектом охоты (ср. санскр. mr̥ga- «дикое животное», употреблявшееся преимущественно для обозначения оленей)[9].

6. Амелиорация — возвышение значения. Пример: рус. просторный «широкий» → «широкий, имеющий много свободного места, светлый, уютный (о помещении)»; общеслав. праслав. čest/čast «денежный дар» → «угощение» → «благородство, честность»; др.-англ. earn(e)st «усердный, решительный (в бою)» → «искренний, честный»[10].

7. Пейорация — ухудшение значения. Пример: др.-рус. холоп «свободный человек, находящийся в услужении или работающий по найму» → «раб, крепостной, низко стоящий член общества, лишенный достоинства»; др.-англ. wyrd «судьба, шанс, удача» → англ. weird «странно выглядящий, необычный, чудаковатый»; др.-англ. gedæfte «учтивый, достойный уважения» → daft «заторможенный, неуклюжий, грубоватый, невоспитанный» → «глупый, простодушный, бессмысленный» → (ок. 1530 г.) «сумасшедший, безумный»[11].

8. Пралогический синкретизм / бриколаж — перенос из-за недифференцированности категорий в архаическом мышлении. Пример: по М. М. Маковскому, и.-е. sem- «время, часть года» (ср. лат. sem-el «однажды», sem-per «всегда») связано с лат. semen «мужское семя»; время «льётся», как божественное семя, зажигая и уничтожая жизнь[12].

9. Символизация — наделение знаков трансцендентным смыслом. Скажем, число 12 наделялось сакральным значением: 12 знаков зодиака, 12 олимпийских богов, 12 подвигов Геракла, 12 апостолов. Возможно, из-за двенадцатеричной системы счёта по фалангам пальцев [11. С. 8]. В библейской традиции 12 — число колен Израиля[13]. Число 13 табуировано в Европе и США из-за христианского мифа: «Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас — диавол» (Ин. 6:70– 71). Оно не входит в список символических библейских чисел[14]. В английском для «чертова дюжина» используется baker's dozen (реже devil's

[6] Ср. синонимические значения рус. дело – «деятельность, труд, занятие, ремесло, служба, работа»; в качестве внутрилексических антонимов можно привести энантиосемические значения слов: рус. дешевый — «недорогой, экономичный; некачественный, низкого качества»; англ. fair — «справедливый, честный, равноправный; средний, обычный, удовлетворительный».

[7] Примеры паронимии: теснота — тоска — тщета, морок — мрак, смерч — смерть, др.-англ. wærc «работа» — wrecan «гнать, мстить», англ. consequent — consequential, moment — momentary, momentous. Примеры синестезии: высокий «возвышенный», низкий «низменный», широкий «щедрый», яркий «оказывающий сильное воздействие», светлый «вызывающий возвышенные чувства», пышный «высокопарный»; red «революционный; убыточный», также hard (rock), cold (look), mild (cheese). Синестезия часто трактуется как подтип метафоры.

[8] URL: https://gufo.me/dict/vasmer/ товар; https://www.etymonline.com/word/bird (дата обращения: 22.07.2025).

[9] URL: https://gufo.me/dict/vasmer/ рубаха; https://www.etymonline.com/word/deer (дата обращения: 22.07.2025).

[10] URL: https://www.proto-slavic.ru/dic-trubachev/index.html; https://gufo.me/dict/vasmer/; https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 22.07.2025).

[11] URL: https://www.proto-slavic.ru/dic-trubachev/index.html; https://gufo.me/dict/vasmer/; https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 22.07.2025).

[12] Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка. М., 2023. С. 471.

[13] Нумерология библейская // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/numerologiya-biblejskaya (дата обращения: 22.07.2025).

[14] Райкен Л. Словарь библейских образов. СПб., 2005. С. 1311–1313.

dozen). Выражение возникло в XIII в. после закона Генриха III об Ассизе хлеба и эля: за недовес пекарям грозило избиение и тюрьма, поэтому к заказу в 12 добавляли 13-ю булочку[15].

10. Рационализация (нейтрализация) — утрата символического смысла в пользу прагматики: башни, рычаги как фаллические символы; чаша со змеёй (Гиппократова чаша) в медицине; весы Фемиды в юриспруденции.

11. Звукоподражание и фоносимволизм, «первичная номинация», синестезия на уровне звукового облика слова и выражаемого понятия. Звукоподражание: рус. топот, стрекоза, скрежет, капать, шепот, хруст, щёлкать, трещать; англ. bark, hiss, boom, splash, chirp, plop, bang, meow, woof, crunch. Фоносимволизм: рус. рубить, плющить, трепать, жмуриться, сверкать, игра, волочить, брызгать, прок/прочь; англ. flap, flip, flop, fumble, fidgety, richety, shimmer, shatter, glimmer, glare, glow, slither.

Таким образом, семантические изменения — результат системной когнитивной деятельности, где язык выступает зеркалом и инструментом познания мира.

Когнитивные механизмы семантических изменений в славянских языках

Рассмотрим обыденную (общеупотребительную) лексику русского языка и выявим когнитивные механизмы, задействованные в формировании следующих слов: год, человек, новый, быть, говорить (говор).

Год. Этимологическое исследование О. Н. Трубачёва показывает, что древнеславянское слово год первоначально означало «благоприятный, подходящий момент», связанный с праздниками, обрядами и природными циклами. Оно связано с греч. ὥρα (hora — «пора», «время года») и лат. annus («год»). По мнению О. Н. Ляшевской, у этого славянского слова практически нет аналогов в индоевропейских языках (только алб. ngē «удобный случай»)[16]. Оно происходит от праслав. godъ, ст.-слав. годъ — «час», «год» («период времени в 12 календарных месяцев», с XVI в.), «удобное время». Это указывает на метонимический перенос: «подходящее время, связанное с природным циклом» → «период времени в 12 календарных месяцев».

Родственные слова: сербохорв. гôд — «большой праздник», «год», «годовой прирост (дерева)», «подходящее время»; словен. gôd (м. р.) — «подходящее время, момент», «зрелость, спелость»; чеш. hod (м. р.) — «церковный, престольный праздник»; польск. gody (мн. ч.) — «свадебный пир, свадьба». В рус. диал. (тул., урал. и др.) — «благоприятный для чего-л. отрезок времени, хорошее время».

В русском языке слово год со временем приобрело расширенное и нейтральное значение. Такой переход из узкого значения с положительной, праздничной (карнавальной) коннотацией в широкое и нейтральное, скорее всего, связан с реформами Петра I, который в 1699 г. перевёл летоисчисление в России на юлианский календарь (годы отсчитываются от Рождества Христова). Это событие знаменует смену мифологического (циклического) времени на историческое (линейное), что ослабило интерес к традиционным народным праздникам.

В польском языке эквивалентом слова год является rok («время указано, названо»), а не god. При этом god утратило форму ед. ч. и используется во мн. ч. — gody, что связывают с нем. gaden «согласовываться», «подходить». Отмечается, что god отличается от других слов со значением «время» наличием отчётливого оттенка уместности (подходящего момента)[17].

Таким образом, внутри славянской группы наблюдается расхождение в картине мира: в русском языке год полностью рационализировался, утратив связи с праздниками и подходящим временем, тогда как в польском сохраняется разделение исторического и мифологического времени, что свидетельствует о процессе метонимизации в рамках одной концептуальной области — времени[18].

Человек. Существительное человек имеет значения: 1) «высший представитель животного мира...», 2) «личность». Рус. человек < др.-рус. (с XI в.) человѣкъ — «существо человеческого рода», «человек как член общества», «слуга»; ст.-слав. чловѣкъ. В других слав. языках: укр. чоловíк — «муж, супруг»; блр. человéк; болг. чловéк; сербохорв. чȍвјек; словен. člóvek; польск. człowiek. Все восходят к праслав. čelověkъ (сокр. čьlověkъ), состоящему из двух основ: čelo и věkъ.

[15] Why Are There 13 In A Baker's Dozen? // Southern Living. URL: https://www.southernliving.com/food/kitchen-assistant/why-is-bakers-dozen-13 (дата обращения: 22.07.2025).

[16] Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка. М., 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 22.07.2025).

[17] God // Słownik etymologiczny języka polskiego. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Słownik_etymologiczny_języka_polskiego/god (дата обращения: 22.07.2025).

[18] Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 6 (е — golva). М.: Наука, 1979.

Происхождение слова остается спорным. О. Н. Трубачёв, М. Фасмер и П. Я. Черных приводят версию немецкого лингвиста Г. Циммера: čelo < čeljadь < и.-е. kuel — «род», «клан», «стая», «толпа»; vĕkъ связано с лит. vaĩkas — «дитя», «потомок», латыш. vaiks — «мальчик», др.-прус. vaix — «работник», vayklis — «сын» < и.-е. u̯eik — «жизненная сила»[19].

Ранее отмечалось, что после формирования родовых общин пространство делилось на «своё» и «чужое», и словом «человек» обозначали только члена своего племени: «вне его он не был "человек" — он был враг, он был беспомощен» [3. С. 817]. Расширение значения до универсального понятия «человек» — результат когнитивной метонимии, связанной с расширением социального кругозора и осознанием того, что другие люди не представляют угрозы.

Новый. Прилагательное новый — «впервые или недавно появившийся», «до сих пор не бывший», «неведомый», «свежий» — происходит от ст.-слав. novъ, восходящего к праслав. novъ(jь). В других слав. языках: болг. нóвый — «неопытный, новый»; сербохорв. nȍv — «новый, недавно сделанный», «молодой, свежий»; словен. nòv; ст.-чеш. nový — «новый, недавно появившийся», «молодой (о живом организме)», «свежий (о ране)», «новый (о поле)».

В рус. диалектах субстантивированная форма «новый» (м. р.) означала «целина» (чкалов., новосиб.), «хлеб нового урожая, новые плоды». О. Н. Трубачёв рассматривает слово «новь» и связанные с ним формы (полнолуние, новый урожай, новина) в семантическом поле, связанном с идеей обновления, начала, свежести. Зафиксированы значения: «не паханая еще земля», «целина», «расчищенное и выжженное место под пашню», «луг», «поляна», «новый урожай», «свежие семена», «молодые листья», а также культово-ритуальные употребления: «зерно нового урожая, раздаваемое бедным», «сбор хлеба в пользу церкви». Это указывает на устойчивую концептуальную связь между физическим обновлением природы и социальными/ритуальными практиками, сохраняя следы древней символики начала, чистоты и изобилия. Семантика носит смешанный метонимо-метафорический и абстрактный характер[20].

Параллельно в славянских языках развивалась ветвь значений, связанная с лунным циклом: др.-рус. (XI в.) новый мѣсѧць — «новолуние»; болг. диал. ноф мéсец; сербохорв. nov mjesec; чеш. диал. nov měsíc; ст.-польск. nów (сущ.) — «первая фаза луны». Эти диалектные формы относятся к докиевскому периоду (VI–IX вв.), когда сельское хозяйство имело не только хозяйственную, но и культовую значимость. В IX–X вв., с образованием Киевской Руси, значения расширились за счёт метонимо-метафорического переноса.

Быть. Это самый употребительный глагол в русском языке[21]. Его история восходит к и.-е. основе bhūti-s, от которой происходят: лит. bỳti — «быть»; др.-инд. bhūtíḥ — «бытие, существование», а также «благосостояние, процветание»; греч. φύσις — «природа». От неё — праслав. byti (тождественная именной основе byть), от которой: др.-рус. быти — «существовать», «находиться», «становиться», «совершаться» → ст.-слав. быти → рус. быть (в разных значениях); укр. бýти; сербохорв. бȉти; словен. bíti и др.

Скорее всего, метонимо-метафорический переход от материального состояния (благополучия, владения) к абстрактному понятию бытия характерен для всех индоевропейских языков. По О. Н. Трубачёву, праслав. инфинитив byti восходит к и.-е. корню bheu̯-, имеющему форму имени (bhmíti-) с глагольной основой аориста. И.-е. основа bhu- обозначала становление, возникновение, проявление бытия, рост, преуспевание[22].

Аналогичные формы в других языках подтверждают универсальность этих процессов: лит. bỹti — «быть»; др.-инд. bhūti — «бытие, жизнь, богатство»; греч. physis — «природа, суть, происхождение»; ирл.-кельт. buith — «быть, обладать качествами»; др.-исл. búð (ж. р.) — «жилище, укрытие». Общность корней подчёркивает универсальность метафоро-метонимических процессов, отражающих фундаментальные представления о жизни, росте и благополучии.

Говорить / говор. Глагол говорить входит в список самых частотных слов. Родственные формы: болг. говóря; макед. говори; сербохорв. говòрити; словен. govoríti; в.-луж. howrić — «шуметь»; польск. goworzyć — «разговаривать», gaworzyć — «лепетать», «болтать». Все восходят

[19] Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1999. С. 378.

[20] Трубачёв О. Н. (ред.) Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 26 (novouk~obgorditi). М. : Наука, 1999. С. 237.

[21] Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка. М., 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 22.07.2025).

[22] Трубачёв О. Н. (ред.) Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 3 (bratrьcь — сьrky). М. : Наука, 1976.

к праслав. govoriti (на -iti) ← govorъ, фактически, демонстрируя первичную номинацию типа звукоподражания.

Эволюция смыслов иллюстрирует переход от простейших звуковых проявлений к сложному социальному феномену:

– Начальная стадия: и.-е. корень gou- — «издавать звуки» → лит. gaunti — «выть»; греч. γοός — «вопли»; др.-инд. gávate — «звучит».

– Промежуточная стадия: др.-рус. говоръ — «шум», «гам», «мятеж» — отражает гул коллективного общения.

– Современная стадия: рус. говор — «многоголосый шум», «звуки разговора», «манера говорить», «местная разновидность народного языка»; укр. го́вір — «шум»; блр. гаво́рка, гу́тарка (лингв. термин).

Таким образом, эволюция отражает глубинную связь природного выражения и формирования социально-культурных маркеров устной речи. Заметим, что славянские языки развивались неоднородно под влиянием различных культурных и когнитивных установок. Это видно, например, в паре год (рус.) — god (польск.): первое слово сформировалось под влиянием рационализации, второе — под влиянием метонимии, что демонстрирует дивергенцию в картинах мира у родственных народов.

Когнитивные механизмы в германских языках

Рассмотрим эквиваленты уже упомянутых слов из обыденного слоя: год — year, человек — man, новый — new, быть — (to) be, говорить — (to) talk в группе германских языков.

Year. Слово year со значением «полный круг времен года, интервал между равноденствиями, время прохождения Солнца по зодиакальному кругу» восходит к др.-англ. gear, прагерм. jēr «год» (ср. др.-сакс., д.-в.-н. jar, д.-с. aar, др.-фриз. ger, гот. jer), реконструируемому до и.-е. корня yer- «год, время года». Родственные формы: нем. Jahr, гол. jaar — все со значением «год». Значение «любой промежуток продолжительностью около 365 дней или 12 календарных месяцев» фиксируется в среднеанглийский период, возможно, под влиянием др.-фр. и лат. annus (ср. фр. annual, англ. yearly)[23].

В древности символом года и смены сезонов (зима — бесплодие, лето — рождение) была змея, кусающая хвост: бретонск. aer «змея»; д.-а. maða «червь, змея»; лит. metai «год». Слово year утратило мифологический и языческий контекст в эпоху «осевого времени» (К. Ясперс), что свидетельствует о рационализации.

Man. Слово man «человек, мужчина» (XI в.), как и нем. Mann, имеет несколько этимологических версий. У Мэллори-Адамса [16] man реконструировано как *manu- ср. др.-инд. Manu- (имя первого человека), авест. manuš «человек». Аналогичную версию утверждает Etymonline: слово man — «человек» — представляет собой секуляризованное божественное имя, восходящее к Маннусу (Тацит, «Германия», глава 2), которого считали прародителем человеческого рода.

М. М. Маковский, как сторонник синкретичной метафоры, видит здесь три переноса:

1) от и.-е. men- «думать» → др.-инд. manas «душа, разум»;

2) от и.-е. mer- «гнуть, смерть, погребение сжиганием» → mer- «гореть» → лат. mane «заря» → д.-а. man «грех», исл. sman «презрение», ирл. men «мука»;

3) и.-е. men- «меняться» и др. [6].

Таким образом, в значении man прослеживаются метафорические («человек — сжигаемый на огне») и символические («человек — микрокосм, подверженный переменам») пласты. Современное представление о человеке как биологическом виде — результат рационализации и абстракции.

New. М. М. Маковский отмечает связь «смерти» и «нового»: в индоевропейской мифопоэтической традиции смерть считалась переходом в новое состояние, новую жизнь, обновлением [6]. И.-е. корень neuos- «новый» (др.-инд. náva, авест. nava, др.-прус. nawns, перс. new «красивый») производен от nau- «смерть» (гот. naus «мертвец», латыш. nave «смерть»).

Англ. new также может соотноситься с и.-е. neu- «бить, ударять» — действие, центральное в обрядах перехода (рождение, смерть, свадьба). Таким образом, слово new сочетает основы со значениями «смерти» и «удара», что указывает на механизм символизации.

В ЭССЯ эта мифологическая цепочка не обозначена, но есть верифицированные мифо-лингвистические параллели (в монографии О. Н. Трубачёва): *navъ или *navъjъ восходят к *navъ (убить), unaviti (убить, уморить), к этой же основе восходят слав. навъ, лат. navis «лодка, корабль», ср. образ лодки перевозчика Харона. Также, возможно, это одновременное обозначение храма. Если храм — «дом мертвых», то *naus, возможно, «корабль мертвых» [10].

Be. Англ. гл. be «быть, существовать», которое, как и слово man, связано с и.-е. *b^{h}uH-, санскр. bhū- «становиться», греч. phýō «расти», лат. fui «я был», герм. *bū- → англ. be [16]. М. М. Маковский

[23] URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 22.07.2025).

гипостазирует концептуальную метафору огня: и.-е. bhei- «бить, высекать» и bhā- «огонь; гореть», к которым восходят также д.-в.-н. bim «я есть», др.-ирл. bi'u, ст.-слав. быть, лит. būti «быть». По мнению М. М. Маковского, огонь — чудо, позволившее человеку выжить: он улучшил охоту, дал термическую обработку пищи и был обожествлен. В греческой мифологии Прометей создаёт людей из глины, Афина вдыхает в них жизнь, но именно огонь выводит их из мрака в осознанное существование. Следовательно, be, как и многие и.-е. слова, перешло из сакральной сферы в обыденную. Вероятно, имел место метонимический перенос: «существование вокруг костра» стало Бытием племени.

Talk и tell. Глаголы talk и tell близки по смыслу и переводятся в основном как «говорить». Англ. talk, которое имеет более конкретное значение «говорить во время обсуждения», образовано с помощью присоединения суф. -k к прагерм. осн. tal-. От той же основы происходят англ. tell «говорить, сказать; считать», д.-с. tal «число», нем. zahlen «считать», ср., также рус. тело, тлеть, и.-а. tal «гореть, жечь». Прагерм. tal- (> taljan «упомянуть по порядку») восходит к и.-е. del- «считать», dol- «счёт, расчёт, обман» [6].

Связь «говорить» и «считать» объясняется тем, что вещи (орудия, сосуды) появились раньше связной речи. Древний человек «высчитывал» различие между своими и чужими предметами. Значение «считать» у tell зафиксировано в др.-англ. (tellan), а «говорить» — только в среднеангл. (tellen)[24]. Переход от одной сферы к другой, вероятно, произошёл через функциональный перенос (подтип аналогии, «рациональная» форма концептуальной метафоры).

Таким образом, в славянских примерах наблюдаются такие когнитивные переносы, как метонимизация типа генерализации (основной тип) — изменение смысла от частного случая к общему значению, метафора — переосмысление конкретных физических объектов или действий в сторону абстрактных идей и понятий, звукоподражание. В семантической эволюции английских лексем задействованы такие когнитивные механизмы, как символизация, метафоризация, метонимизация. Абстрагирование присутствует в обоих случаях в виде переходов от конкретного образа к универсальной категории, как в случаях лексем «быть» и «новый» (be, new). Рационализация встречается в обоих случаях в отношении лексемы «год».

[24] Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/tell (дата обращения: 22.07.2025).

Заключение

Проведённый анализ семантической эволюции пяти ключевых лексем обыденного слоя в русском и английском языках позволяет говорить о возможных различиях в когнитивных и лексикографических стратегиях, характерных для славянской и германской традиций. Следует подчеркнуть, что выводы носят предварительный и гипотетический характер, поскольку основаны на крайне ограниченной выборке и не могут служить основанием для типологических обобщений о «славянской» или «германской картине мира» в целом.

Тем не менее, в рассмотренных примерах намечается тенденция: в славянской (в частности, русской) традиции семантические сдвиги чаще реализуются через метонимию или антропологическую концептуальную метафору, то есть через контекстуальную, социальную или функциональную смежность («подходящее время» → «год»; «член племени» → «человек вообще»; «шум» → «речь»). Такая стратегия отражает прагматичный, рациональный и ситуативно-ориентированный способ концептуализации, где значение укоренено в практической деятельности хозяйственной, общинной, ритуальной.

В германской (английской) части примеров наблюдается большее участие символико-метафорических переносов, уходящих в пласты мифопоэтического мышления: «смерть» → «новое»; «огонь» → «бытие»; «змея, кусающая хвост» → «год». Это гипотетически может свидетельствовать о том, что в германской культурной памяти дольше сохранялись архетипические образы, а семантическая эволюция протекала через образно-ассоциативные связи, где значение формируется не столько из социального контекста, сколько из внутреннего символического мира.

Однако объективность этих тенденций остаётся под вопросом — она может быть продуктом интерпретативного выбора, а не реального различия в когнитивных стратегиях древних народов как носителей языков.

Эта разница проявляется на уровне лексикографических практик и традиций. Сравнение источников «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О. Н. Трубачёва и «Online Etymology Dictionary» Д. Харпера показывает, что славянская этимология, особенно в советский и постсоветский период, стремится к большей рационализации и строгой реконструкции на основе сравнительно-исторического метода, с осторожным отношением к гипотезам, особенно

мифологического или символического характера. Даже при наличии ритуальных значений (как у слова новый), акцент делается на их социальную и хозяйственную функцию, а не на символику.

В то же время германская этимология, представленная в популярных ресурсах вроде Etymonline или особенно словаре М. М. Маковского (основанном на германских источниках, при этом последовательно проводящего линию синкретизма древних значений), допускает больший волюнтаризм: здесь охотнее принимаются гипотезы о символических, мифологических или даже «поэтических» связях между понятиями, даже если они не подтверждены прямыми лингвистическими данными. Такой подход достаточно явно прослеживается в германской лексикографической традиции и, вероятно, отражает культурную установку на индивидуальную интерпретацию и образное мышление, характерную для западноевропейской интеллектуальной традиции.

Важно отметить, что ни в одном из рассмотренных славянских примеров по версии словарей не зафиксировано чётких случаев символизации как самостоятельного когнитивного механизма. Реже встречаются и метафоры с резким несовпадением сферы-источника и осваиваемой сферы. В германских источниках символизация встречается дважды (микрокосм, огнепоклонничество → man; удар → смерть → new), есть и необычная метафора огонь → be. Касательно последнего примера, в ЭССЯ и других славянских источниках акцент сделан на связи byть с «благополучием, владением», что ближе к метонимии (состояние → существование); у Трубачёва, как и других, находим и.-е. bhu- — «становление, рост», что представляет собой концептуальную метафору, но эта семантическая линия не развивается. Налицо более осторожное отношение к идентификации концептуальных метафор и символов.

Таким образом, можно осторожно предположить, что различия в семантической эволюции базовых понятий могут быть связаны не только с лингвистическими и историко-культурными особенностями, но и с разными эпистемологическими установками интерпретаторов: славянская традиция, по-видимому, склонна к рациональному, системному, социально встроенному объяснению смысла, тогда как германская — к образному, индивидуально интерпретируемому, символически насыщенному. Однако эта гипотеза требует дальнейшей верификации на значительно более широком корпусе данных, включая сопоставление не только отдельных слов, но и целых концептуальных полей, а также анализ лексикографических практик разных эпох и школ. Пока же представленный анализ остаётся скорее иллюстрацией возможных путей, чем доказательством устойчивых закономерностей.

Итак, семантика — это не статичный набор значений, а динамическая система, в которой активно задействованы когнитивные механизмы, такие как метафоризация, метонимизация, абстрагирование и др. Понимание этих механизмов способствует развитию более эффективных методов обработки естественного языка, а также расширяет наши знания о том, как человек организует и интерпретирует информацию. В целом, изучение когнитивных аспектов семантики открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований в области лингвистики, психологии и искусственного интеллекта, что делает его актуальным направлением научных исследований.

Список литературы

1. Бажанов В. А. Абстрагирование и абстракции в оптике когнитивных исследований // Эпистемология и философия науки. 2021. № 2. С. 6–18.

2. Болдырев Н. Н. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.

3. Виноградов В. В. История слов : Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. 1138 с. ISBN 5-88744-033-3

4. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём : Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон, ред. и пер. А. Н. Барановой. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

6. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М. : Высшая школа, 1989. 200 с.

7. Никитин М. В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика). М. : Высш. шк., 1983. 127 с.

8. Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира // СабСкрипт. 2021. № 2. С. 541–550.

9. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М. : Наука, 1988. 216 с.

10. Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистическое исследование. М. : Наука, 2003. 495 с.

11. Фомин С. В. Системы исчисления. М. : Наука, 1980.

12. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература, 1998. С. 223–285.

13. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. NY : Routledge, 2006. P. 190.

14. Geeraerts D. Cognitive Linguistics: Basic Readings. Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. 485 p.

15. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. University of Chicago Press, 1987. 233 p.

16. Mallory J. P., D. Q. Adams. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford : OUP, 2006.

Словари

17. Виноградов В. В. История слов. М. : Русский язык, 1999.

18. Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь русской лексики. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php.

19. Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка. М. : ЛЕНАНД, 2023.

20. Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/dictionary.

21. Райкен Л. Словарь библейских образов. СПб. : Библия для всех, 2005.

22. Токарев С. А. Мифы народов мира: Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1980.

23. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. М. : Наука, 1976–1999.

24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/vasmer/.

25. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М. : Русский язык, 1999.

26. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Słownik_etymologiczny_języka_polskiego.

27. Harper D. Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/.

28. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern : A. Francke, 2005.

References

1. Bazhanov VA. Abstrahirovanie i abstraktsii v optike kognitivnykh issledovaniy = Abstractions in Cognition Studies. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2021;(2):6-18. (In Russ.).

2. Boldyrev NN. Kognitivnye mekhanizmy formirovaniia kolichestvennykh smyslov v yazyke = Cognitive Mechanisms for Forming Quantitative Meanings in Language. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki.* 2020;(3):5-14. (In Russ.).

3. Vinogradov VV. Istoriia slov = History of Words: Approximately 1500 words and expressions with over 5000 related terms, Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language named after VV Vinogradov, Moscow, Russia, 1999, 1138 p. ISBN 5-88744-033-3. (In Russ.).

4. Kubryakova ES, Dem'yankov VZ, Pankrats YuG, Luzina LG. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov = Concise Dictionary of Cognitive Terms. Filological Faculty of MSU, Moscow, Russia, 1996, 245 p. (In Russ.).

5. Lakoff G, Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By. Trans. from English by A.N. Baranovoy, Editorial URSS, Moscow, Russia, 2004, 256 p. (In Russ.).

6. Makovskiy MM. Udivitel'nyy mir slov i znacheniy. Illuzii i paradoksy v leksike i semantike = The Amazing World of Words and Meanings: Illusions and Paradoxes in Lexicon and Semantics. Higher School Publishing House, Moscow, Russia, 1989, 200 p. (In Russ.).

7. Nikitin MV. Leksicheskoe znachenie slova: Struktura i kombinatorika = Lexical Meaning of a Word: Structure and Combinatorics. Vyshaya shkola, Moscow, Russia, 1983, 127 p. (In Russ.).

8. Plakhotnaia YuI. Assotsiatsiya kak mekhanizm kognitivnoi deyatel'nosti v formirovanii kontseptual'noi kartiny mira = Association as a Mechanism of Cognitive Activity in Shaping Conceptual Picture of the World. *SabScript*. 2021;(2):541-550. (In Russ.).

9. Serebrennikov BA, Kubryakova ES, Postovalova VI. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira = Role of Human Factor in Language: Language and Worldview. Nauka Publ., Moscow, Russia, 1988, 216 p. (In Russ.).

10. Trubachev ON. Etngenez i kul'tura drevneishikh slavyan: Lingvisticheskoe issledovanie = Ethnogenesis and Culture of Ancient Slavs: Linguistic Study. Nauka Publ., Moscow, Russia, 2003, 495 p. (In Russ.).

11. Fomin SV. Sistemy ischisleniya = Numerical Systems. Nauka Publ., Moscow, Russia, 1980. (In Russ.).

12. Freidenberg OM. Mif i literatura drevnosti = Myth and Literature of Antiquity. Eastern Literature Publ., Moscow, Russia, 1998, pp. 223–285. (In Russ.).

13. Evans V, Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction, Routledge, New York, USA, 2006, p. 190.

14. Geeraerts D. Cognitive Linguistics: Basic Readings, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, 2006, 485 p.

15. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason, Univ. of Chicago Press, Chicago, IL, USA, 1987, 233 p.

16. Mallory JP, Adams DQ. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World, Oxford University Press, Oxford, UK, 2006.

Dictionaries

17. Vinogradov VV. Istoriia slov = History of Words], Russkiy Yazyk Publishers. Moscow, Russia, 1999. (In Russ.).

18. Lyashevskaya ON. Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki = New Frequency Dictionary of Russian Lexicon. Available at: http://dict.ruslang.ru/freq.php. (In Russ.).

19. Makovsky MM. Bol'shoi etimologicheskii slovar' sovremennogo angliiskogo yazyka = Big Etymological Dictionary of Modern English. LENAND Publishers, Moscow, Russia, 2023. (In Russ.).

20. Orthodox Encyclopedia Azbuka Very = Azbuka of Faith. Available at: https://azbyka.ru/dictionary. (In Russ.).

21. Raiken L. Slovar' bibliyskikh obrazov = Dictionary of Biblical Images. Bible for All, St. Petersburg, Russia, 2005. (In Russ.).

22. Tokarev SA. Mify narodov mira: Entsiklopediya = Encyclopedia of Myths of Peoples of the World. Soviet Encyclopaedia Publishers, Moscow, Russia, 1980. (In Russ.).

23. Trubachev ON. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov = Etymological Dictionary of Slavic Languages. Nauka Publ., Moscow, Russia, 1976–1999. (In Russ.).

24. Vasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka = Etymological Dictionary of the Russian Language. Available at: https://gufo.me/dict/vasmer/. (In Russ.).

25. Chernykh PYa. Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka = Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. Russkiy Yazyk Publishers, Moscow, Russia, 1999. (In Russ.).

26. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego = Etymological Dictionary of the Polish Language. Available at: https://pl.wikisource.org/wiki/Słownik_etymologiczny_języka_polskiego.

27. Harper D. Online Etymology Dictionary. Available at: https://www.etymonline.com/.

28. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, A. Francke Verlag, Bern, Switzerland, 2005.

Информация об авторах

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

З. А. Харитонова — студент бакалавриата.

Information about the authors

E. V. Shelestyuk — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Z. A. Kharitonova — undergraduate student.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.